

Федор Крашенинников

ОТОРВАННОСТЬ РПЦ ОТ НАРОДА

ФОНД «СВОБОДНАЯ РОССИЯ»

ОТОРВАННОСТЬ РПЦ ОТ НАРОДА

ФОНД «СВОБОДНАЯ РОССИЯ»
ИЮНЬ, 2020

Фонд «Свободная Россия»

Автор

Федор Крашенинников

Верстка

Free Russia Designs

Фёдор Крашенинников - российский политолог, публицист и общественный деятель.

В 2013, вместе с Леонидом Волковым (в настоящее время – руководитель сети региональных штабов Алексея Навального), выпустил книгу «Облачная демократия» - о перспективах электронной демократии в России и мире. В 2016 году опубликовал роман-антиутопию «После России», посвященный перспективам России. С 2014 года Фёдор был автором и ведущим программы на радиостанции Эхо Москвы - Екатеринбург. С 2016 года Фёдор сотрудничает с ведущими русскоязычными СМИ («Ведомости», The New Times, русскоязычная редакция Deutsche Welle, сайт «Republic») в качестве колумниста.

В 2018 году Фёдор был одним из организаторов кампании по сохранению прямых выборов главы города Екатеринбурга, в 2019 году был одним из организаторов общественной кампании по сохранению сквера в центре Екатеринбурге.

Ранее Фёдор был совладельцем и издателем Информационно-аналитического агентства «Урал Бизнес Консалтинг», а также редактором, учредителем и издателем Информационного агентства «Политсовет». Фёдор принимал участие в попытках создать и зарегистрировать в России оппозиционные политические партии (2010 год – Партию народной свободы, 2013 год – «Народный Альянс»).

Фёдор Крашенинников окончил Философский факультет Уральского государственного университета (Екатеринбург).

СОДЕРЖАНИЕ

Церковь и революция	5
Церковь и советская власть в 1918-1943 годах	7
Православная церковь в послевоенном СССР (1943-1988)	9
Православная церковь. От Горбачева до Путина	11
Православная церковь при Путине	13
РПЦ и протестантизм. Любопытный аспект в преследованиях «Свидетелей Иеговы»	15
Православная церковь накануне перемен	16
РПЦ и эпидемия коронавируса	18
Выводы	21

Как получилось, что, спустя более тридцати лет свободной и даже поддерживаемой властями проповеди, РПЦ не смогла создать себе никакой широкой опоры внутри российского общества, никакой материальной базы для независимого от финансирования властями и уполномоченными ими олигархами существования, никакого влиятельного интеллектуального ядра?

Чтобы понять специфику сегодняшнего положения православной церкви в России, ту роль, которую она играет в жизни российского общества и ее перспективы в обозримом будущем, необходимо кратко рассмотреть предпосылки, которые привели к нынешнему положению дел.

ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

В царские времена православная церковь занимала привилегированное положение в Российской империи. В «Своде основных государственных законов» (том 1, глава «О вере», стр. 40) прямо говорилось: «Первенствующей и господствующей в Российской империи вера есть Христианская православная Кафолическая Восточного исповедания». Первенствующее положение православной церкви выражалось в том, что к ней принадлежал глава государства (император), который по действовавшему закону «не может исповедовать никакой другой веры, кроме православной». Законодательство прямо возлагало на императора обязанность заботиться о незыблемости православного учения и обеспечении его господства над всеми другими религиями: «Император как христианский государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния». В статье 42, в акте наследования престола, император прямо называется Главой церкви. И это были не просто ритуальные функции — император осуществлял назначения на высшие церковные должности (митрополитов и епископов) и обладал правом надзора над деятельностью высших церковных учреждений¹.

Важным показателем главенства православной церкви было законодательное предоставление ей одной право вести религиозную пропаганду, в то время как государственная власть всех уровней обязана была ей в этом помогать и даже, как было сказано в законе, «убеждать последователей других христианских исповеданий и иноверцев к принятию своего вероучения».

До публикации 17 апреля 1905 года царского указа «Об укреплении начал веротерпимости» выход из православия считался уголовным преступлением.

В царские времена в официальных документах не было пункта об этнической принадлежности (он появился в советских паспортах), зато фиксировалась конфессиональная принадлежность. И при таком подходе православное вероисповедание по сути выступало синонимом лояльного подданного Российской империи, принадлежавшего к большинству населения. Надо ли говорить, что такой подход заставлял многих людей формально принимать православие, чтобы избежать излишнего внимания царской власти. Финансирование православной церкви осуществлялось из государственного бюджета и государство же было собственником большинства церковных

¹ Существует много работ на эту тему. Например, Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднимперской России: правовые аспекты взаимоотношений». М.: Проспект, 2017.

Заседание Поместного собора Русской православной церкви, 1917, Фото: Поместный собор Православной Российской Церкви (1917—1918)

зданий — например, Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге находился в управлении МВД Российской империи.

Очевидная близость к власти привела к тому, что среди демократической и оппозиционно-настроенной к царскому режиму общественности, православная церковь воспринималась как реакционный политический институт. То, что православную церковь отрицательно воспринимало довольно широко представленные в царской России этнические и религиозные группы, подвергавшиеся преследованиям — от старообрядцев до евреев — объясняет значительное их представительство в среде революционеров и их агрессивный настрой по отношению к официальной церкви во время и после гражданской войны. Важно отметить, что выходцев из среды православных диссидентов (старообрядцев и других «раскольников») среди революционеров было гораздо больше, чем евреев, но так как все они этнически были русскими, этот факт практически не обсуждается публично, при том что роль евреев в революции традиционно преувеличивается публицистами из националистического лагеря.

Со своей стороны, внутри церкви не обнаружилось лидеров, способных провести ее через революцию и сделать отдельной силой в развернувшемся противостоянии. Это тоже весьма важное обстоятельство, которое преследует церковь и до сих пор: отсутствие у церкви опыта реального самоуправления и автономного от государства существования не позволило ей тогда и не позволяет сейчас эффективно действовать в кризисных ситуациях. В 1917-1918 годах работал церковный собор, который должен был выработать новые принципы жизни церкви в изменившихся условиях. Среди самых важных его решений — восстановление поста патриарха, на который был избран епископ Тихон (Беллавин, 1865-1925, канонизирован РПЦ в 1989 году). Однако в условиях гражданской войны и усиливающейся диктатуры большевиков реальные возможности церкви для позитивной трансформации были крайне ограничены. Нельзя забывать и о том, что целый ряд энергичных и талантливых церковных лидеров были вынуждены покинуть Россию.

ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1918-1943 ГОДАХ

Советская коммунистическая власть с самого начала относилась к православной церкви неприязненно и быстро взяла курс на изъятие церковной собственности и имущества, на полное уничтожение религиозных институтов как таковых, а главное — на снижение влияния церкви на массы. Необходимо отметить особенности православия, чтобы понять, насколько сильно церковь оказалась уязвимой для антирелигиозной политики новой власти в России.

Во-первых, сама структура православной церкви веками формировалась в условиях поддержки со стороны власти. Церковь никогда ничего не прятала от власти и не предполагала ситуации, когда бы ей вдруг пришлось исполнять свои обряды и вообще существовать тайно и вопреки государству. Сама обрядность и сложная иерархия православной церкви делает невозможной сколько-нибудь долгое существование в противостоянии с властью или втайне от нее. Если протестантам для проведения богослужения достаточно просто собраться вместе, то православным нужны иконы, ритуальные предметы, одеяния, специально подготовленные помещения, а главное — священники. Всем этим пользовалась советская власть и наносила удары по ключевым фигурам и структурам церковной иерархии, физически уничтожая ее.

Во-вторых, православная церковь финансово зависела от государственного бюджета Российской империи, о чем говорилось выше — фактически до революции она была частью государственного аппарата, финансировалась, и управлялась монархом и его правительством. Кроме того, солидные пожертвования церковь получала от имущих слоев населения — императорской фамилии, дворянства, купечества, зажиточных крестьян и обывателей. Так как все эти классы оказались репрессированными или вовсе уничтоженными, а их деньги конфискованными, православная церковь осталась в крайне тяжелом материальном положении.

Репрессии и экономическая политика советской власти фактически уничтожили и большинство неправославных религиозных групп, которые, казалось бы, имели навыки существования в подполье — прежде всего тех же старообрядцев. При царях все они существовали за счет средств отдельных богатых членов общин, которые предоставляли им деньги и помещения для продолжения существования. Советская власть уничтожила состоятельных людей и само понятие частной собственности, подорвав тем самым материальную и организационную базу для осуществления любой религиозной деятельности в тайне от власти.

В-третьих, абсолютное большинство прихожан православной церкви составляли малограмотные или вовсе безграмотные слои населения — хотя бы потому, что таковые составляли большинство населения России. Для этих людей решающее значение в религиозной жизни имели не церковные книги и знание доктрин, а знакомые им с детства обряды и сакральные предметы: иконы, мощи, праздники, крестные ходы и так далее. После того, как интеллектуальное ядро русского православия было физически уничтожено или изгнано из страны, православная религиозность по сути осталась заложником именно этой категории верующих.

Чтобы уничтожить влияние православной церкви на население, советская власть начала наступления по всем фронтам. Иерархи подвергались репрессиям, собственность религиозных общин изымалась и уничтожалась, над священными предметами совершались акты публичного надругательства

(сожжение икон, вскрытие мощей святых и так далее). Но главным козырем в борьбе большевиков с церковью стало создание ситуации, при которой обычный советский гражданин просто не мог принимать участие в привычных обрядах, не вступая в конфликт с новыми порядками. Во-первых, религиозные праздники перестали быть днями отдыха, а значит принять участие в их праздновании стало возможным только ценой оставления рабочего места, что во многих случаях трактовалось властью как уголовное преступление. Во-вторых, церкви физически закрывались. В-третьих, как уже было сказано, иерархия и самые активные прихожане подвергались репрессиям.

В результате этих мер и без того невысокий уровень осведомленности православных верующих относительно содержательной стороны их веры окончательно упал: тексты религиозного содержания не издавались и не распространялись, а любое религиозное просвещение воспринималось властью как «контрреволюционная деятельность» и вообще было полностью уничтожено, как и сама возможность его вести.

Фактически, к началу Второй мировой войны православная церковь в России перестала существовать как целостная структура и не представляла никакой значимой общественной силы, сохраняя лишь остаточное влияние на те миллионы советских людей, которые были рождены и воспитаны в другое время. Парадоксальным образом именно война спасла православную церковь в России от полного уничтожения. С одной стороны, немецкие оккупационные власти начали открывать церкви, чтобы привлечь симпатии населения. С другой стороны, оставшиеся на свободе лидеры православной общины с первых дней войны призывали паству к сопротивлению нацистам — уже 22 июня 1941 года было опубликовано обращение патриаршего местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергия с призывом встать на защиту Родины. Желая сплотить вокруг правительства все население СССР, сам Сталин в первом же своем обращении к населению употребил никогда ранее не использовавшееся советской пропагандой, но имеющее отчетливую религиозную коннотацию обращение «братья и сестры».

Нельзя забывать также, что союзниками СССР были США и Великобритания, и надо было демонстрировать им, что дела с религией в России обстоят не так плохо, как думали на Западе. В конце октября 1941 года в Москву прибыл личный представитель президента США Т. Рузвельта А. Гарриман, который сообщил И. Сталину об обеспокоенности американской общественности судьбой церкви и передал просьбу президента улучшить ее правовое и политическое положение². Остро нуждаясь в помощи Запада и оценивая текущие выгоды в изменении религиозной политики, Сталин пошел на существенное ослабление давления на православную церковь и другие религиозные группы. По сути, возрожденная РПЦ стала элементом сталинской внешней и внутривластной пропаганды и воспринималась властью именно в этой роли и никак иначе.

2 Православная церковь при Сталине и Хрущеве. М, 2005, стр. 284.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР (1943-1988)

Подробности и нюансы создания в 1943 году «Русской Православной Церкви Московского Патриархата» находятся за рамками этого очерка. Позволим себе только отметить, что даже названа была новая организация иначе, чем называлась церковь при царях. Во-первых, тогда не было никакого патриарха (этот пост ликвидировал Петр Первый, заменив его коллегиальным Священным Синодом, подчиненным царю). Во-вторых, церковь официально именовалась по-разному в разное время, а в материалах собора 1917-1918 гг. — «Православная российская церковь / Orthodox Church of Russia». Разница не очень уловима для незнающего русский язык и контекст, но существенна: при царе и вообще до 1943 года упор делался на то, что православная церковь в России — это прежде всего часть всемирной православной церкви, которая действует на всей территории государства и без привязки к какому-то этносу. Сталинское название «Русская православная церковь»/Russian Orthodox Church» звучит для современного русскоязычного человека прежде всего как этническая церковь русского народа, что в итоге породило проблемы с той же Украиной. По сути, в 1943 году Сталин создал новую религиозную структуру с новым названием, системой управления и пониманием собственной миссии. РПЦ сразу была поставлена в узкие рамки: работать с той паствой, которая у нее осталась и ни в коем случае не пытаться ее расширять, и уж тем более не вступать ни в какую публичную полемику с советской властью.

С этого же времени православная церковь и ее иерархия фактически были вписаны в советскую номенклатуру и несмотря на то, что в 1950-1960-е годы церковь ждал новый этап гонений (так называемые «Хрущевские гонения»), таких репрессий и вообще такого отношения к себе, как в 1920-1930-е гг. РПЦ больше не переживала. Патриарх получил официальную резиденцию, автомобиль и ряд других атрибутов принадлежности к элите. Периодически глава церкви встречался с лидерами советского государства, что тоже подчеркивало его интегрированность в систему. На местах епископы и священники по уровню своей жизни очевидным образом принадлежали к привилегированным слоям населения. Прежде всего речь идет о материальной обеспеченности — настоятели больших храмов имели личный автотранспорт и значительно больше денег, чем средний обыватель, что в советское время уже воспринималось как богатство.

Нельзя не отметить, что в 1960-1980 годы советская власть гораздо настойчивее боролась с протестантами, особенно с теми общинами, которые не готовы были идти на невозможные для верующих компромиссы. Тем не менее, считать отношения советской власти к РПЦ в это время нормальным едва ли стоит — давление и всевозможные акции устрашения и провокации продолжались, как продолжался и строгий контроль власти за религиозной жизнью. Например, паспортные данные родителей, желавших крестить своих детей, необходимо было сообщать властям, а на главные церковные праздники милиция и патрули из коммунистических активистов физически препятствовали доступу людей, особенно молодежи, в церкви.

За исключением нескольких широко известных примеров, приходы православной церкви в СССР вовсе не были средоточием антисоветской агитации и вообще не представляли опасности для коммунистической власти хотя бы потому, что вся жизнь внутри разрешенных властью церковных институтов ею контролировалась и направлялась. Для это существовала специальная структура — Совет по делам религии при Совете Министров

СССР и институт его уполномоченных представителей на местах. В тесном взаимодействии с КГБ и КПСС именно этот орган занимался повседневным надзором за религиозной жизнью и вмешательством в нее.

Не секрет, что со сталинских времен советская власть активно использовала структуры православной церкви за рубежом СССР как прикрытие для шпионской сети или для продвижения своих интересов. 5 июня 1943 г. И. Сталин подписал секретное постановление Государственного комитета обороны «Об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в котором религиозные организации прямо были отнесены к органам, представляющим интерес для внешней разведки СССР³ Уже после войны под давлением власти РПЦ занялась широкой экуменической деятельностью и наряду с другими религиозными организациями СССР вступила во Всемирный совет церквей. По свидетельству бывшего генерала КГБ Олега Калугина, священников и иерархов РПЦ активно вербовали советские спецслужбы, в том числе и для использования их возможностей легального пребывания в странах Запада. Этот пункт очень важен, чтоб понять, что произошло с церковью дальше и происходит сейчас.

В целом же, православная церковь рассматривалась советской властью как социальный атавизм, который должен существовать до тех пор, пока носители религиозного сознания, родившиеся и получившие религиозное образование до революции, не вымрут естественным путем. И эта политика работала: к 80-м годам XX века церкви стали прибежищем пресловутых «бабушек» — то есть советских пенсионеров 1900-1920-х годов рождения, которые продолжали исполнять знакомые с детства ритуалы, но при этом вовсе не стремились ни к миссионерству, ни к какому-либо влиянию на общество. Преобладание среди активных прихожан пожилых, малообразованных женщин фиксируется в целом ряде опубликованных социологических исследований⁴. По приводимым данным, от 30 до 60 процентов активных прихожан в советское время составляли именно пожилые женщины. Из-за уничтожения системы религиозного образования, даже те, кто продолжал посещать церкви, в лучшем случае имели самое общее представление о службе и знали некоторое количество молитв. Религиозной или богословской литературы в свободном доступе не было и уровень осведомленности населения о содержании, например, Библии и деталях православного вероучения был невероятно низок.

Советская власть весьма эффективно использовала в своих интересах специфику православия и присущую ему консервативность. Восстановленная в 1943 году РПЦ продолжила использовать в богослужении церковнославянский язык, непонятный носителю современного русского языка и не изучаемый в школе. Произнесение проповедей на понятном пастве нормативном русском языке не приветствовалось — кроме специально оговоренных ситуаций, например, патриотических проповедей во время войны с Германией. Таким образом, даже придя в церковь, не имеющий предварительной подготовки советский человек скорее всего мало что понял бы в происходящем — даже если в этот момент происходило чтение Библии: читали ее тоже по-церковнославянски. По сути, консерватизм и приверженность к традициям помогли советской власти поддерживать изоляцию церкви от общества.

3 Кнышевский П.Н. История тотального шпионажа // Государственная безопасность и демократия. 1993, № 2, стр. 45.

4 См., например, статья Л. И. Сосковец. Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2004.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ. ОТ ГОРБАЧЕВА ДО ПУТИНА

Смягчение советской политики по отношению к религии началось в 1986 году, когда новый лидер СССР Михаил Горбачев объявил курс на перестройку. В 1987 году была отменена практика проверки паспортов при крещении и началась передача церкви зданий бывших храмов и монастырей. В 1988 году советская власть приняла решение широко отметить 1000-летие Крещения Руси, и с этого времени следует вести отсчет современной истории православия в России.

Из сказанного выше вполне очевидно, что сама церковь не была готова к какой-то более широкой роли в обществе: у нее не было ни кадров, способных общаться с широкими слоями населения, ни навыков работы с теми, кто приходит в церковь первый раз, ни опыта ведения миссионерской работы, ни готовности менять что-то внутри церкви, чтобы сделать ее учение и практику более приемлемой для потенциальной паствы, большая часть которой выросла и сформировалась в атеистической среде и не имела даже зачаточных представлений о сути христианства или же понимала его крайне специфически, под влиянием атеистической пропаганды и отдельных народных традиций.

Когда руководство СССР обратилось к лидерам РПЦ с вопросом, что бы они хотели, те попросили прежде всего материальной поддержки и возможности открыть больше церквей.

Как известно, к 1980-м гг. Россия стала страной закрытых церквей — в каждом городе были закрытые и обезображенные церковные здания, которые использовались не по назначению. Поэтому вполне логично, что на первых порах вся активность церкви и пришедших в нее энтузиастов сводилась к тому, чтобы получить в распоряжение вновь возникающих общин церковные здания и начать проводить в них богослужения. На волне возвращения церковных зданий общинам и их восстановления в православную церковь пришло много новых людей, которые стали в том числе и священниками.

Социологически РПЦ накануне перемен выглядела так (цифры включают в себя и зарубежные приходы, и приходы внутри СССР): в 1988 году у нее было три духовные семинарии, две духовные академии, 76 епархий, 74 епископа и митрополита, 6893 прихода, 7397 клириков, 22 монастыря (1190 монахов). Данные на начало 2019 года следующие: учреждения Русской православной церкви действуют в 77 странах (16 стран канонической территории, 61 страна дальнего зарубежья); 309 епархий (из них 19 в дальнем зарубежье); 382 архиерея; 40 514 клириков (35 677 пресвитеров, 4 837 диаконов); 38 649 храмов или иных молитвенных помещений, без учёта 977 приходов дальнего зарубежья; 1012 монастырей (972 монастыря на канонической территории (474 мужских, 498 женских) и 40 в дальнем зарубежье); в монастырях проживает 5 883 монаха и 9 687 монашек; 5 академий и 50 семинарий, в которых на начало 2018-2019 учебного года обучалось ок. 14 тыс. студентов; ок. 11 тыс. воскресных школ, в которых обучалось свыше 175 тыс. воспитанников; 145 православных общеобразовательных организаций⁵.

Экстенсивное расширение церкви до сих пор остается ее главной политикой и все чаще приводит к конфликтам с обществом внутри России. Возможно, это связано с менталитетом руководства РПЦ, значительная часть которого и сейчас состоит из тех, кто сформировался при советской власти

5 См.: <https://drevo-info.ru/articles/11316.html>

и ориентируется на мифологизированный царский период истории как на «золотой век», предполагая, что слияние церкви и государства — это то, к чему надо стремиться и в будущем. Можно примерно реконструировать их логику, и этот опыт поможет нам понять многие современные проблемы. Советская власть физически закрывала церкви и запрещала верующим посещать храмы, так как понимала, что большинство или как минимум значительный процент населения все еще готов это делать. Поэтому поколения религиозных людей выросли с мыслью, что как только ограничения будут сняты — граждане России хлынут в церкви и ситуация сама по себе вернется к положению дел до 1917 года. Вполне возможно, что так и было бы, случись коллапс советской власти и ее атеистической политики в 50-60-е гг. XX в. К 1980-м и тем более 1990-м годам структура общества полностью изменилась.

По сути, все 1990-е годы РПЦ искала свое место в обществе и не могла его найти: Ельцин и его окружение не выражали особой заинтересованности в тесном партнерстве с церковью — прежде всего потому, что унаследованные с царских и советских времен ценности церкви никак не соответствовали ценностям новой России, а ее влияние на общество было слишком низким, чтобы серьезно воспринимать ее как важного политического актора.

Говоря о ценностях РПЦ, мы имеем прежде всего политический консерватизм и популярность среди иерархов и прихожан монархических идей, отрицание демократии как таковой (в этих кругах популярен лозунг «Демократия – в аду, а на небе – Царство!»), критика концепции прав и свобод человека. Отдельно стоит отметить популярность антисемитизма и конспирологического понимания истории России, в которой расстрел семьи последнего императора в 1918 году трактуется как «ритуальное убийство». Если в 1990-е годы публичное высказывание таких идей было скорее позицией отдельных священников, стоящих на националистических позициях, то в настоящее время про ритуальное убийство не гнушаются говорить такие видные церковные лидеры, близкие к руководству страны, как митрополит Тихон (Шевкунов)⁶.

Сама история перезахоронения останков последнего царя и его семьи весьма примечательна для понимания отношений РПЦ и светской власти в 1990-е годы: Борис Ельцин приложил огромные усилия к тому, чтобы со всей торжественностью перезахоронить останки Николай Второго, его жены и детей в усыпальнице Романовых; правительственную комиссию возглавлял вице-премьер Борис Немцов, но руководство церкви отказалось признать останки подлинными — именно потому, что не было готово отказаться от популярной версии о ритуальном убийстве, после которого останков не должно было сохраниться.

Нельзя не отметить, что православная церковь в России вовсе не заняла последовательно антисоветские позиции и даже наоборот — именно в 1990-е годы началось ее сближение с теми, кто ностальгировал по СССР и ходил на митинги с портретами Сталина. Это вполне объяснимо и кадровым составом православной иерархии, и настроениями ее прихожан, большинство из которых составляли фрустрированные внезапной нищетой и потерей ориентиров недавние советские граждане.

⁶ См.: <https://www.kp.ru/online/news/2945034/>

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ ПУТИНЕ

Годы правления Путина стали годами материального расцвета РПЦ и пика ее символического влияния на общество. Насколько РПЦ на самом деле влиятельна — вопрос дискуссионный и события последних недель дают обширную почву для размышлений на эту тему.

Ключевую роль в усилении позиций церкви в обществе сыграла вовсе не сама церковь, а новая российская власть, то есть сам Владимир Путин и его окружение. Именно личные религиозные чувства Владимира Путина и его понимание роли и места церкви в истории государства стали определяющими для современного этапа в жизни РПЦ. Во всяком случае никакой инициативы «снизу», никакой православной партии в парламенте или даже сколько-нибудь широкого лобби во власти у РПЦ к концу 90-х годов XX века не было, и ее проникновение в государственные органы и учебные заведения тогда не идет ни в какое сравнение с тем, что есть сейчас. Если при Ельцине и в начале правления Путина чиновники, депутаты и «силовики» вполне могли публично заявлять о своем атеизме, приверженности другим деноминациям или демонстрировать равнодушие к церковным проблемам, то к 2020 году лояльность церкви стала частью лояльности власти и лично Путину, что, как будет показано ниже, привело к некоторым издержкам.

Самое важное, чего добилась РПЦ — это постоянное подчеркивание представителями власти ее особой роли в России и все менее скрываемое подавление властями других христианских деноминаций, прежде всего протестантских.

Несмотря на то, что законодательно особая роль РПЦ так и не оформлена, имеющаяся фраза в преамбуле действующего закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» фраза про «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее истории и культуры» в последние годы трактуется все более широко, а Путин в своих публичных выступлениях постоянно подчеркивает особый статус РПЦ в России⁷. Характерна такая цитата из поздравления Путиным патриарха Кирилла в связи с 70-летием последнего: «Русская православная церковь — это великий проповедник любви к отечеству, его мощная нравственная защитница. Она всегда отстаивала принципы добра, правды, верности в нашей стране. Русская православная церковь наряду с нашими традиционными конфессиями — главная духовная опора и нашего народа, и нашей государственности»⁸.

С 2016 года закон «О свободе совести», который вводит ряд ограничений, прежде всего направленных как раз на протестантов, что хорошо видно по тому, против кого закон применяется, был дополнен новой главой — «Миссионерская деятельность»⁹.

Особое отношение российского государства к РПЦ хорошо прослеживается по тому объему официальных договоров о взаимодействии во всех сферах, которые государственные органы заключают с религиозными организациями. По данным на 2013 год, государство явно предпочитало в качестве партнера РПЦ (74% всех договоров), дальше следуют — иудаисты (9%), мусульмане (6%), буддисты, баптисты, адвентисты и пятидесятники (по 3%). Местные власти в субъектах РФ, обычно замечая и признавая многоконфессиональность

⁷ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

⁸ <http://mirtv.ru/video/46031/>

⁹ <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/26/802473-hristiane-pyatidesyatniki-pozhalovalis> <https://takiedela.ru/news/2018/04/27/missionerskaya-deyatelnost/>

населения, тем не менее официальные договоры предпочитали заключать с РПЦ (83%), что на 9% больше, чем на федеральном уровне¹⁰. (За прошедшие годы все эти тенденции усилились, а любое сотрудничество государственных учреждений с протестантами практически прекратилось — даже в такой сфере, как работа с заключенными тюрем¹¹.)

Помимо официальных отношений власти и вообще элиты современной России с РПЦ, существуют и другие уровни взаимодействия, которые не так широко известны и обсуждаемы на фоне широкомасштабного финансового сотрудничества власти и РПЦ, и участия РПЦ в идеологических кампаниях власти.

Во-первых, активное участие в финансировании церкви стало для многих предпринимателей вполне действенным способом решать свои бизнес-проблемы. Попадание в ближний круг спонсоров отдельного прихода, епархии, монастыря или всей церкви делает предпринимателя членом своеобразного элитного клуба, где он может неформально наладить связи с чиновниками и силовиками своего уровня или даже выйти на новый уровень связей и влияния. В каком-то смысле это движение можно сравнить с масонским, но скорее в том виде, в котором масонов изображают их враги: влиятельные люди собираются и обсуждают свои вопросы под предлогом каких-то ритуалов и церемоний. В любом случае, совместное участие в паломничествах и религиозных праздниках представителей политической, силовой и коммерческой элиты — это факт российской жизни и в регионах, и в Москве. Нельзя не отметить, что участие в таких сообществах предполагает не только демонстрацию религиозности, но и выражение лояльности определенному кругу политических ценностей — весьма консервативных даже по меркам того, что считается консервативным в США. Кроме того, площадки для близкого неформального общения чиновников, силовиков и предпринимателей являются благодатной почвой для коррупции.

Во-вторых, православный активизм предлагается в качестве единственного легального и поощряемого властью способа проявления гражданской активности, помимо участия в политических кампаниях власти. Если крупный предприниматель начнет жертвовать деньги на какие-то социальные проекты, это может вызвать вопросы и подозрения: зачем это делается, какие цели ставятся, не хочет ли этот человек стать слишком популярным среди населения, и что он потом собирается делать с этой популярностью. Финансирование церкви в любом виде одобряется властью, при этом не ведет к какой-то особой популярности спонсоров за пределами узкого круга религиозных энтузиастов. То есть власть использует церковь как своеобразный клапан: вкладывая значительные деньги в социальные проекты, предприниматель рано или поздно стал бы влиятельной политической фигурой, а в России Путина он бесконечно финансирует церковь, получая лишь грамоты, церковные ордена и привилегии участника элитного клуба.

Главная же миссия РПЦ при Путине — это сакрализация режима его личной власти за счет ее демонстративной и постоянной поддержки церковными лидерами. Так как РПЦ презентует себя как представительницу большинства населения, ее поддержку предлагается считать как еще один мандат доверия Путину от большинства.

10 <http://rusrand.ru/analytics/traditsionnye-konfessii-v-rossii>

11 <https://meduza.io/feature/2018/08/20/rossiyskie-protestanty-godami-poseschali-lyudey-v-tyurmah-teper-ih-tuda-ne-puskayut>

РПЦ И ПРОТЕСТАНТИЗМ. ЛЮБОПЫТНЫЙ АСПЕКТ В ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ «СВИДЕТЕЛЕЙ ИЕГОВЫ»

Преследование «Свидетелей Иеговы» дает большой материал для осмысления того, что на самом деле происходит в России. Казалось бы, почему столь малочисленная и маловлиятельная деноминация вызывает столь пристальное внимание к себе?

Во-первых, что значит — малочисленная? Если отбросить официозные лозунги о том, что 80 процентов населения России являются православными, то цифры получаются совершенно иные. В обычные годы даже в главные праздники РПЦ в храмы приходит лишь от 3 до 5 процентов населения России, то есть речь идет о нескольких миллионах граждан, которых таким образом можно отнести к более-менее активным в религиозном отношении. Посещаемость рядовых богослужений гораздо ниже, что позволяет оценивать число активных прихожан РПЦ в 2-3 процента в самом лучшем случае, то есть около 3-5 миллионов человек на всю Россию по разным оценкам. Если учесть, что на момент запрета «Свидетелей Иеговы» в России было порядка 200 000 человек, то пропорция получается совершенно иная.

Примечательны и биографии тех, кого задерживают в ходе преследований. В небольших по населению городах Севера России среди лидеров общин «Свидетелей Иеговы» оказываются достаточно высокопоставленные служащие, успешные местные предприниматели, представители среднего класса, добросовестные работники и пенсионеры — то есть те слои населения, которые РПЦ считает своей паствой и которые власть хотела бы видеть своей опорой.

Сообщения о преследованиях «Свидетелей Иеговы» чрезвычайно многочисленны и дают представление о распространенности этой конфессии, и о ее рядовых членах¹².

Рискнем предположить, что атака на «Свидетелей Иеговы» была предпринята не потому, что их очень мало, а как раз потому, что на фоне небольшого числа религиозно активных людей в России их довольно много и с учетом их миссионерской активности станет только больше. Возможно, принятию решений об их запрете способствовали какие-то данные о численности общин «СИ» и перспективах их роста, полученные властями. В любом случае официальные данные на последний год легального существования организации в России выглядели так: 175 000 членов общин и порядка 300 000 человек посетили собрания этой группы хотя бы один раз в году¹³.

Еще с 1990-х годов, когда в Россию могли свободно приезжать миссионеры любых конфессий, лидеры РПЦ испытывают постоянную тревогу по поводу конкуренции с ними. Несмотря на то, что сейчас всякая миссионерская деятельность в России, по сути, запрещена, плоды усилий протестантских миссионеров 90-х дали обильные всходы. Пока РПЦ занималась строительством новых церквей и налаживала связи с властью на все уровнях, протестантские церкви вели работу с теми слоями населения, которые по разным причинам или разочаровались в РПЦ, или никогда не испытывали желания присоединиться к ней. Все это привело к тому, что к нынешнему времени реальное влияние неправославных христианских конфессий на население значительно шире, чем официально принято полагать. Впрочем, установить его реальный масштаб

12 <https://www.zaprava.ru/cat/presledovanie-svidetelej-iegovy/>

13 <https://otr-online.ru/korotko-i-yasno/svideteli-iegovy/>

крайне сложно: учитывая религиозную политику власти, протестантские общины стараются не привлекать внимания к себе и своей численности.

Есть важный аспект, который часто упускается: несмотря на то, что большинство потомков российских сектантов дореволюционного времени утратили связь со своими религиозными традициями, а большинство дореволюционных неправославных христианских общин и вовсе прекратили свое существование, они в любом случае не готовы воспринимать РПЦ как «церковь предков», как она сама себя презентует. Для них протестантские церкви вовсе не кажутся чужеродными или иностранными, не говоря о том, что те же баптисты в России представлены с царских времен. Возможно, этим тоже определяется успех работы протестантских миссионеров.

Руководство России и лидеры РПЦ понимают, что преследование широко представленных в России протестантов (баптистов, адвентистов и пятидесятников) чревато большими политическими издержками. В отличие от достаточно маргинальных в мировом христианстве «Свидетелей Иеговы», основные протестантские деноминации обладают мощным лобби прежде всего в США. Но несомненно, что репрессии против «Свидетелей Иеговы» призваны охладить миссионерский пыл протестантов и напугать обывателя тем, что любая религиозность вне православия может оказаться криминальной после очередного принятого властью закона. Во всяком случае, сейчас серьезные опасения по поводу своего будущего в России испытывают адвентисты и приверженцы Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) — и в силу своей относительной малочисленности, и в силу того, что обе эти конфессии идеологически связаны с США, что в условиях насаждаемого властью антиамериканизма само по себе достаточно подозрительно. Последние и вовсе рассматриваются сотрудниками российских спецслужб как агенты спецслужб США и потому их деятельность ограничивается и тщательно отслеживается.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НАКАНУНЕ ПЕРЕМЕН

Чрезмерное доверие власти, которая всегда поможет и поддержит, и странная убежденность в том, что большинство населения поддержит церковное руководство, заставляет РПЦ неадекватно реагировать на новые вызовы. Похоже, что многие иерархи, особенно сделавшие духовную карьеру в последние 20 лет, действительно поверили, что церковь — это равноправный партнер власти, а, может быть, даже и ее наставник и контролер, а потому на власть можно оказывать давление и не подчиняться ей, если ее решения кажутся неправильными.

Но никаких явных доказательств сколько-нибудь заметного влияния РПЦ на общество нет, более того — есть все признаки, что в реальности ее влияние ограничено сравнительно небольшим кругом тех, кто регулярно посещает богослужения и давно уже достигло своего возрастного пика.

Как минимум, 20 лет откровенного и весьма последовательного насаждения православия в условиях ограничения миссионерства протестантов и католиков силами власти не привели к сколько-нибудь значительному росту посещаемости богослужений. Можно только предполагать, какой бы была религиозная жизнь России, откажись государство столь откровенно играть на стороне одной из

Патриарший собор Русской православной церкви во имя Воскресения Христова – Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации, 2020 Фото: kremlin.ru

конфессий или вовсе перестав вмешиваться в религиозные вопросы.

Несмотря на все публичные заявления руководства страны, в том числе и цитируемые выше, к концу 2010-х годов РПЦ становится для власти все более неудобным партнером. С одной стороны, она требует к себе постоянного внимания, оказания финансовой поддержки и репрессий тех, кто ей не нравится. Причем финансовые потоки внутри РПЦ не до конца контролируются государством, что вызывает раздражение у высокопоставленных чиновников: они хотели бы знать о том, какими деньгами реально распоряжается церковь, откуда они берутся и куда уходят.

С другой стороны, в отличие от стран Запада, где крупные религиозные организации строят больницы и занимаются публичными благотворительными проектами, РПЦ поглощена исключительно собственными строительными проектами и насаждением своего влияния в школе и государственных структурах, при этом не хочет и скорее всего не может вести никакой масштабной социальной работы. Реальные мобилизационные возможности РПЦ крайне низки, то есть едва ли нынешней власти в России стоит рассчитывать, что церковь способна вывести людей в ее поддержку на улицы или наоборот — обеспечить пассивную лояльность значительной части граждан России. На практике все наоборот: это власть вынуждена раз за разом предоставлять помощь церкви, вплоть до выделения курсантов военных училищ для участия в крестных ходах и использования провластных мобилизационных сетей для обеспечения массовости церковных мероприятий.

Характерна в этом случае, например, ситуация в Екатеринбурге, где 9 лет (с 2010 по 2019 гг.) шла борьба городского сообщества с церковью и ее

спонсорами по вопросу строительства в центре города нового православного собора. По требованию церкви власть трижды выделял ей участки под застройку в центральной части города, и граждане трижды устраивали достаточно заметные акции протеста. Особый накал противостояние приобрело весной 2019 года, когда вопрос о строительстве уже, казалось бы, был решен в пользу церкви, и на месте строительства даже успели построить забор. Но протесты нескольких тысяч горожан заставили власть отступить и принудить церковь к капитуляции.

Подробное описание этой истории выходит за рамки этого очерка, но важно отметить, что если возмущенные граждане тысячами выходили на протест добровольно и с риском для своей безопасности и свободы, то с мобилизацией православных активистов ничего подобного не произошло. Несмотря на широкомасштабную агитацию за акции в поддержку храма и всевозможные бонусы ее участникам, мобилизовать значительное число участников ни разу не удалось. В итоге власть поняла, что возмущение общества существенно и отменила строительство, поставив церковь в глупое положение: руководство епархии до последнего не понимало, как можно уступать давлению протестующих и анонсировало скорейшее начало строительства, проклиная тех, кто не давал его начать.

РПЦ И ЭПИДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА

Еще более любопытная ситуация сложилась накануне празднования православной церковью Пасхи 19 апреля 2020 года. По сути, светские власти в большинстве регионов России и прежде всего в Москве заставили церковь отказаться от публичного празднования, и даже лично патриарх Кирилл должен был призвать верующих не просто молиться дома, но и провести там обряд освящения куличей. Произошло это после попыток ряда местных церковных лидеров сопротивляться решениям региональных администраций и санитарных служб, то есть властям пришлось оказать давление на РПЦ, очевидно, на самом высоком уровне.

Эпидемия коронавируса застала врасплох весь мир, но РПЦ оказалась в гораздо более тяжелой ситуации, чем многие другие церкви и религиозные общины. И здесь необходимо вернуться к тому, о чем мы говорили в начале этого очерка. Десятилетиями главным содержанием православной религиозности было посещение храмов, особенно в большие праздники. Верующий человек мог никогда не держать в руках Библии, не понимать сути происходящего во время богослужений, но если он носил на шее крестик, имел дома купленные в церкви иконы и хотя бы иногда посещал богослужения — этого было вполне достаточно, чтобы и он сам считал себя верным сыном церкви, и сама церковь была им вполне довольна. Именно на физическом посещении храмов держится значительный сегмент церковной экономики — верующие люди покупают свечи, иконы, брошюры, заказывают всевозможные молебны и так далее.

Но главное — все последние годы РПЦ особенно усиленно настаивала на своем особом статусе в обществе. Церковь представляла себя как сверхъестественную и творящую чудеса божественную иерархию, которая неизмеримо выше всех земных законов и правил. И власть поддерживала ее в этом убеждении, подчеркивая статус РПЦ как «традиционной конфессии» и оказывая ей другие меры поддержки.

Новости о том, что из-за эпидемии закрывают в Европе церкви, вызвали

возмущение и протест у самых радикальных представителей РПЦ, а один из влиятельных православных спикеров, глава комиссии РПЦ по делам семьи, протоиерей Дмитрий Смирнов призвал к сопротивлению властям¹⁴. Во-первых, санитарные меры были восприняты в русле апокалипсической конспирологии, то есть веры в то, что темные силы ищут любой способ навредить христианству и вся эпидемия таким образом – лишь дьявольский обман. Во-вторых, они сразу поняли, что при развитии эпидемии на такие же меры как в Европе может пойти и Россия, и это нанесет по ним сильнейший удар.

Как правильно отметил православный дьякон и влиятельный православный публицист Андрей Кураев, уже сам призыв сидеть дома и не посещать храмы даже в Пасху, который озвучил и сам патриарх, может привести к переформатированию всей религиозной жизни в России¹⁵. Прежде всего, сам факт признания руководством церкви своего бессилия перед распространением вируса ставит под вопрос все то, что говорилось о церкви и в церкви последние годы. В каком-то смысле это выглядит как признание того, что церковь не может дать ни защиты, ни исцеления – то есть как раз того, на что РПЦ претендовала, пропагандируя культ святых мощей, икон и ритуалов, которые должны помогать верующим в их повседневной жизни.

Во-вторых, вынужденная капитуляция перед санитарными предписаниями светской власти дискредитировала тех лидеров православных радикалов, которые до последнего требовали не выполнять предписаний власти и искать защиты и исцеления в церквях. Выяснилось, что фанатиков совсем немного и они не имеют никакого влияния ни внутри церкви, ни вовне. Абсолютное большинство православных верующих оказалось вполне лояльными гражданами и подчинились требованиям санитарных властей. Даже в тех епархиях РПЦ, где формально не согласились закрывать церкви, фактически посещение пасхальных служб было минимальным.

В-третьих, согласие лидеров РПЦ пойти навстречу требованиям властей дискредитировало их в глазах радикально настроенной и консервативной части паствы, которая до последнего надеялась, что церковь не откажется от широкомасштабного празднования Пасхи.

В-четвертых, вынужденные призывы молиться дома и уверения в том, что быть верующим и посещать храм – это не одно и то же, бьют по экономическому фундаменту РПЦ. Накануне православной Пасхи появились сообщения, что введенные властями санитарные меры ударили по доходам РПЦ, а официальный спикер РПЦ В. Легойда даже призвал прихожан напрямую жертвовать деньги на счета священников, что не удивительно: по своей экономической структуре церковь близка к малому и среднему бизнесу в сфере общепита, торговли и услуг, то есть критически зависима от ежедневной посещаемости. В условиях карантина посещаемость церквей значительно упала или же они вовсе оказались закрытыми, что обнулило и любые финансовые поступления. Если эта ситуация затянется, то по итогам эпидемии РПЦ окажется в еще большей финансовой зависимости от власти, потому что только с помощью вливаний из бюджета сможет компенсировать свои потери.

И тут возникает интересный вопрос: захочет ли власть в современной ситуации просто так дать РПЦ деньги или же потребует еще большего

14 <https://www.mk.ru/social/2020/02/28/protoierey-smirnov-prizval-pravoslavnykh-ne-podchinyatsya-vlastyam-italii-izza-koronavirusa.html>

15 <https://theins.ru/opinions/212568>

контроля над ее финансами и влияния на ее политику? Между прочим, по ряду чувствительных для Кремля вопросов РПЦ была вынуждена занять особую позицию по причинам внутрицерковных отношений: Крым остается в ведении Украинской православной церкви, а Абхазия признается канонической территорией Грузинской православной церкви.

В-пятых, вынужденные и довольно жесткие санитарные меры российских властей, обеспокоенных распространением вируса, создали взаимную напряженность между властью и РПЦ. С одной стороны, власть столкнулась с попытками некоторых деятелей церкви сопротивляться ее решениям, что не может пройти незамеченным. С другой стороны, РПЦ впервые с советских времен столкнулась с тем, что власть может потребовать от церкви выполнить неприятные ей требования, а никаких реальных рычагов противиться этому у нее как не было, так и нет. Особенно унижительно и показательно, что лично Путин никак не высказался по поводу ограничительных мер в отношении РПЦ, предоставив широкие права по введению ограничений местным властям и санитарным врачам, которые и выдавали предписания не проводить публичных богослужений.

ВЫВОДЫ

Итак, православная церковь в России, опираясь на царскую власть, избежала как реформации, так и контрреформации. По своей организационной структуре она осталась прежде всего бюрократизированным государственным ведомством по духовным делам, а во взаимодействии с прихожанами — довольно архаичной организацией, придающей слишком большое значение торговле обрядами и религиозными артефактами. Интеллектуальная жизнь и изучение христианской и православной теологии и до революции была присуща очень узкому кругу православных иерархов и верующих, а после революции и гражданской войны она и вовсе почти прекратилась. Советская власть сознательно превратила РПЦ в духовное гетто для стариков и маргиналов, которые в силу происхождения и воспитания не готовы были принять коммунистические ценности. Именно в таком виде РПЦ встретила перестройку. Несмотря на крушение коммунистической и атеистической идеологии, она не захотела или попросту не смогла воспользоваться открывшимися возможностями для проповеди и расширения своего влияния на общество, предпочтя снова стать партнером власти, которая решает все ее финансовые и организационные проблемы, требуя взамен лишь безусловной лояльности.

Спустя 30 лет после крушения атеистической идеологии в России самыми известными духовными лидерами РПЦ являются церковные администраторы и их реальное влияние на общество не выходит за пределы ограниченной аудитории активных прихожан, то есть нескольких процентов населения. Никакой фигуры, которую бы вся нация, безотносительно конфессиональной принадлежности и личной религиозности, воспринимала как безусловной духовный авторитет, РПЦ не выдвинула, и тем более такой фигурой не является патриарх Кирилл.

РПЦ в нынешнем виде, как социальная, организационная и финансовая структура, крайне хрупка и может обрушиться в самом обозримом будущем, открыв дорогу и расколу внутри православной общины на более либеральную и более консервативную, и создав новые возможности для протестантских и

католических миссионеров.

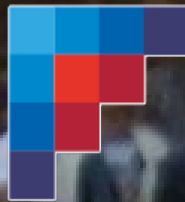
По сути, сейчас РПЦ находится примерно в том же самом положении, в каком она была накануне революции 1917 года — она поддерживает власть, подчинена власти, зависит от власти, но при этом не имеет никакого особого влияния ни на власть, ни на общество. Хуже того, значительной частью общества, особенно молодой и настроенной оппозиционно, РПЦ воспринимается как идеологическое подразделение власти, а вовсе не как носительница каких-то значимых идей и ценностей.

Путинский режим близится к своему закату и эпидемия коронавируса, а точнее ее экономические и моральные последствия, могут сыграть гораздо более важную роль в этом процессе, чем можно было полагать.

Неизбежное обрушение путинского режима уничтожит и РПЦ в ее нынешнем виде, потому что весь ее нынешний статус в обществе и влияние в том числе и на своих прихожан строится на всесторонней поддержке со стороны власти и искусственном ограничении свободы миссионерства для других конфессий и возможностей критиковать РПЦ и ее руководство в СМИ.

**FREE
RUSSIA**

www.4freerussia.org
info@4freerussia.org